

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЕГИПТУ И НУБИИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЕРШТУ И НУБИ,

ВЪ 1834 — 1835 г.,

Авраама Норова.

СЛУЖАЩЕЕ ДОПОЛНЕНІЕМЪ

КЪ

ПУТЕШЕСТВІЮ

ПО

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

«Изъ Египта воззвахъ Сына Моего.»

Осіа. XI. 1.

Часть I.

САНИКТЕТЕРЕРЕРЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7-го Декабря 1839 года.

Цензоръ Пикитенко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Благосклонность, съ которою публика приняла мое Путешествіе по Святой Землѣ, поставила меня въ обязанность дополнить этотъ трудъ изданіемъ Путешествія моего по Египту и Пубѣ, которыхъ судьбы такъ долго были связаны съ судьбами земли Израильской.

Единственная свѣточъ въ исторіи первобытной, — есть Библія. Я старался постоянно руководствоваться ея указаніями, и читать исполненіе Боговдохновенныхъ пророчествъ по лицу земли Фараоновъ.

Не всѣмъ можно разгадывать мистическій языкъ народа первобытнаго; но открытія Юнговъ, Шамполіоновъ, Росселлини и Вилькинсо-

новъ, приводятъ уже насъ къ многимъ заключеніямъ.

Я старался избѣгать, сколько было возможно, описаній, повторяемыхъ во всѣхъ путешествіяхъ по этой странѣ, которая теперь вновь обращаетъ на себя вниманіе міра. Если я могъ присоединить къ моему труду свѣдѣнія положительныя о нынѣшнемъ состояніи Египта, этимъ я вполне обязанъ А. О. Дюгамелю, бывшему, во время путешествія моего, Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Египтъ, и который, съ рѣдкою благосклонностію, сообщилъ мнѣ изъ своихъ записокъ факты любопытные.

Нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія были мнѣ доставлены Гр. Медемомъ, путешествовавшимъ въ одно время со мною.

ГЛАВА I.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ВѢНЫ. — ТРИЕСТЬ. — АКВИЛЕЯ.

Выѣхавъ изъ Вѣны, я долго не обращалъ вниманія на предметы мелькавшіе предо мною, и только подъѣзжая къ *Шотвину*, пробудился отъ моего равнодушія. Горы заговорили моему сердцу языкомъ Швейцаріи и Италіи. Горы Сиріи великолѣпны, вдохновительны: — игривая рѣка *Муръ* долго провожаетъ васъ вдоль ихъ глубокихъ лощинъ и выводитъ наконецъ мимо обрушенныхъ и нависшихъ надъ скалами замковъ въ очаровательную долину *Греца*, столицы Сиріи. Мы проѣхали *Лейбахъ* ночью. Послѣ трехдневнаго путешествія мы увидѣли Иллирійскія Альпы:

тщетная преграда, нагроможденная рукою самой природы между Тевтонами и Италиами! — Поднимаясь на ихъ вершины, я предчувствовалъ Италію.... На сей послѣдней станціи мы услышали изъ устъ смуглой крестьянки первые звуки языка Италіи. Съ высотъ Альповъ, съ этихъ надоблачныхъ высотъ, первый видъ на Адриатическое море поразителенъ! Внезапное пересѣченіе земли, горизонтъ моря, слитый безъ малѣйшаго раздѣленія съ горизонтомъ неба, представляетъ какую-то необъятную пустоту и пугаетъ взоръ. Скатъ къ Триесту, по дорогѣ художественно изсѣченной въ ребрахъ горъ, очарователенъ. Отъ ихъ вершины до самыхъ волнъ Адриатики, гдѣ рисуется Триестъ, идетъ непрерывный рядъ роскошныхъ садовъ и загородныхъ домовъ, оплетенныхъ виноградникомъ и отъененныхъ маслинами.

Триестъ (древній *Tergeste*, пограничная колонія Римлянъ) построенъ очень правильно, красивъ зданіями, вымощенъ отлично, гавань полна кораблей, — но скученъ для житья; это уже вина правительства, потому что народъ живъ, женщины привлекательны, природа прекрасна и живописна, музыка и поэзія трогаютъ сердца ея жителей. Здѣсь добываются малымъ кругомъ знакомства, — но зимнія казино бываютъ иногда блистательны.

Здѣсь почти не существуетъ памятниковъ древности; только на господствующей высотѣ, гдѣ былъ

Tergeste Castellum ¹⁾ видны въ стѣнахъ колокольной Св. Юста остатки стѣнъ и колоннъ храма Минервы. Въ стѣнахъ этой церкви вставлены два барельефа отличнаго вкуса, напоминающіе барельефы Пареннона ²⁾).

Соборная церковь Св. Юста принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ церквей Италіи; она обратила мое вниманіе своимъ необыкновеннымъ внутреннимъ построениемъ: пять рядовъ готическихъ колоннъ раздѣляютъ ее на пять галлерей. Своды двухъ боковыхъ придѣловъ замѣчательны своими мозаиками, принадлежащими первымъ вѣкамъ христіанства. Одинъ изображаетъ Иисуса Христа со Св. Юстомъ и Сервомъ по сторонамъ; а другой, болѣе богатый, Пресвятую Богородицу съ младенцемъ Иисусомъ на Ея коленяхъ, окруженную ликомъ святыхъ. Престолъ изъ бѣлаго мрамора, тутъ находящійся, есть прекрасное произведеніе рѣзца одного изъ Венеціанскихъ художниковъ; барельефы изображаютъ чистилище.

Прилежащее къ храму кладбище заключаетъ въ себѣ прахъ Винкельмана — этаго геніальнаго антикварія, погибшаго въ Триестѣ отъ руки убійцы въ самой той гостинницѣ (*albergo grande*), гдѣ я остановился, и въ

¹⁾ Strab.

²⁾ Изъ надписей, тамъ же сохранныхъ, я замѣтилъ слѣдующую: L. VARIO PAPIRIO PAPIRIANO IVIRI DIVIR DQQ. PRAEF. FABR. ROMAE ET TERGESTI FLAM. HADR. PONT. AVGV. COLLEGIUM. FABRVM PATRONO. MERENT.

самой той комнатѣ, гдѣ была моя спальня. Памятникъ Винкельмана великолѣпенъ. Видъ съ этихъ высотъ на гавань и окрестности живописенъ. Другой остатокъ древности въ Триестѣ находится въ узкой улицѣ, на половинѣ дороги, спускаясь отъ крѣпости къ городу и названъ *arco di Ricardo* также *arco del Re Carlo*, но то и другое названіе, произвольны. Если кто хотя мало знакомъ съ древнимъ зодчествомъ Римлянъ, то безъ труда узнаетъ ихъ прекрасное произведеніе, напоминающее побѣдныя арки Италіи. Можетъ быть Карлъ великій возобновилъ этотъ памятникъ, или онъ служилъ при торжественномъ въѣздѣ Рихарда Львиного сердца, въ Триестъ, передъ отплытіемъ его въ Палестину.

Я имѣлъ сердечное утѣшеніе найти въ Триестѣ Греческую церковь и слушать обѣдни на Славянскомъ языкѣ. Церковь эта, во имя Св. Спиридонія, богата дарами Славянъ. Русскому, находящемуся въ Триестѣ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на родное поколѣніе Славянъ, населяющее всю Истрію. Эти горные жители сохранили вмѣстѣ со многими обычаями одежду временъ древнихъ Римлянъ и только здѣсь вы можете видѣть, какъ-бы въ-живѣ, дѣйствующія лица эклогъ Virgilіевыхъ. Полагаютъ, что тѣ изъ нихъ, которыхъ называютъ: *Чичіо* или *Чикіо*, суть потомки *Япидовъ*, первыхъ населенцевъ этаго берега, Цельтическаго происхожденія; въ языкѣ ихъ сохра-

нилось донынѣ много цельтическихъ словъ. Я видѣлъ одного продавца угольевъ и женщину, торгующую обручами; на обоихъ Римскія *сандалии*, скрѣпленныя кругомъ икръ деревянными обручами. Въ костюмѣ угольника обращаетъ вниманіе кожанная одежда; она спереди цѣльная отъ шеи до ногъ и завязывается сзади. Оба костюма сохраняютъ такой отпечатокъ древности, что я счелъ любопытнымъ приложить здѣсь ихъ рисунокъ ¹).

Имѣвъ письмо отъ графини Фикельмонъ къ графинѣ Nugent, супругѣ здѣшняго военнаго губернатора, я познакомился съ этимъ пріятнымъ домомъ, — но хозяйки не было въ городѣ, и самъ графъ Nugent вскорѣ долженъ былъ оставить Триестъ. Здѣсь я зналъ мужа, замѣчательнаго по своимъ познаніямъ и вмѣстѣ по единственному въ Европѣ собранію всѣхъ изданій Петрарки и Энея Силвія (папы Пія Николомини, здѣшняго уроженца): — это стряпчій Россети. Онъ не удовольствовался собраніемъ однихъ изданій твореній Петрарки, но все что было писано касательно пѣвца Лауры, имѣетъ мѣсто въ его библіотекѣ, даже живописныя произведенія, относительно его любимаго поэта, украшаютъ всѣ стѣны его музея. Я начёлъ около сорока древнихъ портретовъ Петрарки и Лауры. Между прочимъ я замѣтилъ прекрасное

¹) См. картинку No I. на первомъ планѣ.

изображеніе изъ Петрарковой поэмы *il trionfo d'amore* служившее крышею сундука, въ которомъ было приданое одной богатой невѣсты того времени. Г. Росетти, замѣтя во мнѣ любовь къ его поэту и страсть къ библіографическимъ рѣдкостямъ, подарилъ мнѣ ученый каталогъ своего собранія и нѣкоторыя свои разсужденія о Петраркѣ и Энеѣ Сильвіѣ¹⁾.

Одно изъ пріятѣйшихъ знакомствъ моихъ въ Тріестѣ было съ докторомъ А. Г-ки молодымъ человекомъ, съ глубокимъ образованіемъ и съ пламеннымъ воображеніемъ. Италіянская и Латинская литературы были любимымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ; онъ подарилъ мнѣ собраніе стихотвореній недавно похищеннаго смертью знаменитаго Латинскаго импровизатора Галіуфи, мужа, извѣстнаго своими обширными познаніями, и который хотѣлъ воскресить Латинскій языкъ въ Италіи, введя его въ такое употребленіе, какъ онъ былъ при Петраркѣ. Давно не видали такого совершенства въ Латинскомъ слогѣ, какъ въ произведеніяхъ Галіуфи; быстрота его импровизацій была невообразима — ²⁾.

¹⁾ Самое любопытное произведеніе г. Росетти: Petrarca, Giulio Celso e Boccaccio, illustrazione Bibliologica delle vite degli uomini illustri del primo, di C. Giulio Cesare attribuita al secondo e del Petrarca scritta del terzo.

²⁾ Я припоминаю здѣсь одну піесу, замѣчательную своею древнею простотою. Въ Мюнхенѣ бываетъ годовое собраніе

Австрійцы, льстя наклонностямъ Итальянцевъ, очень заботятся о содержаніи хорошей оперы въ части Италіи, имъ принадлежащей, особенно въ Миланѣ, Венеціи и Триестѣ.

Я былъ часто въ оперѣ. Какъ не узнать Италіи въ этой музыкѣ и въ этихъ звукахъ трогательнаго голоса Синьоры Бокабадати и въ этой гармоніи хоровъ! Хоръ составленъ изъ Триестинцевъ и славится въ Италіи; онъ состоитъ изъ пѣкотораго числа *dilettanti*, которые между собою спѣваютъ въ одномъ изъ кофейныхъ домовъ

Довольно долго продолжавшееся снаряженіе

на кладбищѣ; возвращаясь отъ туда съ толпою, онъ встрѣтилъ своего пріятеля и на первый вопросъ сказалъ ему по Латинѣ:

Ibat homo, natumque manu ducebat euntem:

Illum unum e denso credideram numero.

Cuncta salutabat sed gens concorditer unum:

Blanda ille advertens lumina, laetus erat.

Esquis hic? oravi, Rex noster. Inermis? Amicus.

Proh Deus! et regi gratulor et populo.

Шелъ человекъ, рука съ рукой съ дятатью;

Простолюдимъ казался онъ, по платью;

Всѣмъ кланялся, и — всѣ ему лишь одному;

Легко и весело казалось ему . . .

Кто это?» я спросилъ; — «Нашъ царь.» — «Одинъ?» — «Съ друзьями.»

«Счастливецъ царь! — и вы счастливцы сами!»